

лютым наблюдателем, который видит со стороны ясно и полно, и самим претерпевающим субъектом не принципиальную, а лишь степенную разницу — по степени мыслительных способностей и имеющихся данных, которая может быть уменьшена во временной перспективе, что дает нам право делать предельный переход. Но если есть несводимая разница, то есть не являющаяся функцией времени (то есть нашего движения по линии вызревания предмета, как предполагает эволюционизм), которая со временем плавно и гармонично убывала бы или увеличивалась бы? А если она дискретна и не поддается дальнейшему разложению и делению? Она именно такова, и это мы называем неопределенностью. Если это так, то последующее расположение сознания и его образований мы должны представлять в измерении, которое я и называл неразделимым континуумом «бытие—сознание», как общую (совместную) основу причинных пространственно-временных терминов и терминов сознательных смыслов построения наших рассуждений о событиях и процессах. Тогда совершенно явно, что сам феномен осознания, или сознание как феномен, принадлежащий этому континууму (то есть то сознание, которое находится в актуальном состоянии), окажется многомерным и многослойным. То есть феномен осознания в той мере, в какой мы берем не просто картину одного мира (идеального), сопоставляемую с картинкой другого события, отделенного от первого, как спектакль отделен от зрителя (в том числе и условностями нашего театрального зрелища), — многомерен, многосложен, что и создает глубину, объем, в котором возможны вещные эффекты континуума деятельности.

5. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Нам осталось рассмотреть некоторые черты логической ситуации, создаваемой неклассической (расширенной) рациональностью и обобщением принципа детерминизма.

Пока закрепим мысль, что феномен сознания, или сознавания, растянут и многократно протяжен (прямотаки как римановская величина!): раз — в одном измерении, два — в другом измерении и так далее, а дискретно структурирующий разворот его в этих измерениях покоится на предметно-деятельном механизме, бытийные корни которого переплетены — и это принимается как постулат — с элементом неизмеримого и свободного независимого действия. При этом слои сознания, с их разными размерностями и феноменальной материей, наслоены на базис и друг на друга и в этой гуще просекаются пучками детерминаций. Мы уже разбирали примеры такого наслоения, когда одни слои сознания реально живут и движутся в терминах систем отсчета других, надстроенных над ними слоев. В частности, когда имеет место трансформация их в идеологической размерности или когда имеется культурное, предметно-знаковое напластование, своей «естественной установкой» закрывающее феномен сознания, так что последний движется в терминах предметов, полагаемых во внешнем мире, а разные культуры полагают разные предметы подобного рода, хотя феноменальное состояние может быть одно.

И вот эта распростертость, многократная протяженность явлений позволяет нам четче сформулировать вопрос, который у нас все время фигурировал, а именно вопрос бытийной (онтологической) терминологии, в том числе в случаях, когда мы говорим о социальной детерминации, о базисе (материальном) жизни и так далее.

Ясно, например, что материалистическое понимание истории и общества Марксом не имело в виду, что люди руководствуются материальными обстоятельствами, в том числе осознаваемым классовым и экономическим интересом, и затем строят на этом свой мир сознания и культуры, делают историю и так далее (что предполагает просветительно-психологический перенос ими з н а е м о г о бытия в сознание). Марксова теория строилась как раз для указанных выше случаев надстраивания сознания, для случаев протяжения его в разные измерения — та-

ких протяжений и таких надстраиваний, которые избегают и не подпадают ни под какой сознательный контроль со стороны индивида. И тем самым иллюзорно свободное, самодостовверное состояние последнего является не продуктом какой-нибудь транссубстанциализации, какого-то магического превращения материального в духовное и затем организации сознания, например, вокруг так называемого классового интереса, а эффектами структур, возникновение и динамику которых можно проследивать, не обращаясь к тому, как индивид себя сознает, чем он идеологически руководствуется, на что он сознательно ориентируется, чем он мотивируется и так далее, и не рассматривая при этом сознание вообще как какой-то эпифеномен реальности. Вот для этих случаев появления в сознании образований, которые имеют свое место рождения в пространствах, отличных от тех, которые обозримы и контролируются сознательным самопостроением и самопредставлением индивида), и нужен какой-то интеллектуальный аппарат анализа. Стоит строить теорию, чтобы эти вещи выявлять.

Отсюда возникает идея и понятие системы, или системно-причинных зависимостей и явлений. Короче говоря, во взаимосоотношении сознания и бытия, когда мы учитываем действие континуума «бытие—сознание», мы уже не имеем права прямо устанавливать социальную (и любую иную) детерминацию мысли, мы можем делать это только поиском опосредствующих промежуточных звеньев, четко представляя себе, что феномен сознания как явление в континууме многосложен, многомерен, распространен или растянут в глубины и что эффекты действия систем и есть то, что является предметом выявления и исследования, а не сознательные корыстные мотивы людей, которые были бы просто «свойственны» им вообще или определенным социальным группам в частности.

Так же как от структур поэтического или литературного текста, от истории, рассказываемой мифом, и так далее, мы не можем иначе (прямо) перейти к структурам бытия как определяющим первые.

Вместо этого интерес исследователей, чувствительных к действительной сути дела и к нашим возможностям (то есть к тому, что мы можем интеллектуально честно выполнить так, чтобы выполненное держалось на ногах и устояло бы перед задачей доказательства, критики и так далее), пошел по пути введения не причинных связей, а связей системно-причинных, синхронных, рассмотрения соответствующих явлений в качестве объясняемых лишь в той мере, в какой эти явления можно представить в качестве эффектов действия систем.

Почему появляется здесь термин «система»? Не по какой-нибудь мистической причине, что вот есть какое-то таинственное целое, которое реально существует в какой-то недоступной дали и представляет собой систему, которую мы не видим, а она где-то там есть как «живое целое». Термин «система» появляется здесь по одной простой причине. Многосложность, многоуровневость, или многопротяженность, сознания порождает такие эффекты взаимодействия этих протяжений, или многоразличных слоев, что мы сами эти эффекты не можем расположить в непрерывную цепочку в реальном пространстве и времени, в том числе в реальной последовательности причинной связи. Мы не можем их расположить в непрерывно прослеживаемом реальном протяжении. И вот то измерение, в каком мы их располагаем, и называется «системой», то есть мы эти действия приписываем действию некоторых целостностей и вводим понятие «эффект системности», «целостное проявление». Эффектами целостности, или эффектами системности, мы называем эффекты, которые мы можем проследивать, пользуясь термином «система», но не можем расположить их в реальном, пункт за пунктом или часть за частью, пространстве, где эти эффекты заняли бы место рядом с другими, столь же дистинктно выделенными предметами. И во-вторых, понятие «система» для исследования определяющей связи между сознанием и бытием, понятие, служащее нам для понимания того, как вообще может разворачиваться детерминация

бытием сознания, имеет свое основание в том обстоятельстве, что многообразные слои срабатывают вместе и мгновенно, что состояние системы (поэтому, собственно, термин «состояние» и появляется) есть состояние, сворачивающее и упаковывающее в себя (или разворачивающее) одновременно срабатывающую иерархию многообразных слоев. И чтобы как-то представлять это действие, которое срабатывает, идя с разных слоев, одновременно, и появляется термин «система» или «пространство системы», и в этом пространстве — «состояния», в том числе состояния сознания, которые упаковывают в себе одновременное действие различных слоев и уровней. Повторяю, именно поэтому (плюс к первому обстоятельству) и появляется у нас такое понятийное орудие, как «эффект целостности», или «эффект системности».

И именно здесь мы должны четко осознать ненаглядность основных представлений, входящих в аппарат неклассической рациональности. Их онтологический статус непредставим в предметном языке.

Когда я приводил пример превращенного действия, или превращенной формы, я уже говорил тем самым, что то, что мы можем предметно описать, руководствуясь понятием системности, или эффекта системности, органической целостности, содержит в себе определенные мнимостные значения, вносит в наше мышление мнимое измерение. То есть в основе мы имеем дело с чем-то, что мы в принципе не должны стремиться представить наглядно или модельно, с чем мы должны обращаться как с косвенными, символическими значениями (символическими в нашем неминуемо предметном языке, а не в бытии), не предполагая, что мы можем их содержание и объект существования наглядно развернуть в некотором пространственном расположении или реальной последовательности событий. Никакой целостный эффект не разворачиваем в реальную совместность или же последовательность дистинктных объектов с их свойствами. Напомню то, что уже говорилось об особых многообразиях «целых как многих», где

в точках пересечения мира и его наблюдения мы имеем дело с объектами, относящимися к ряду рядов, но ни к какому из них в отдельности, и похожими на так называемые «размытые множества» в математике (никакое свойство таких объектов не может быть представлено как множество, состоящее из отдельных дистинктных предметов). Тем более в области мышления о мышлении нужно приостановить в себе манию наглядности. В XX веке, как в физических рассуждениях, так и в анализах сознания, мышления, это требование (и его выполнение) особенно ясно проступило, вышло на передний план.

Я приведу один простой пример. В физике известна картина интерференции и разброса электрона, который пролетает в эксперименте через отверстия в экране, открываемые или закрываемые. И часто в понимании этого процесса как бы само собой полагают, что электрон так же пролетает через отверстия экрана, как кирпич пролетал бы через окно. Полагают так, потому что язык (содержащий предметные термины — «отверстие», «электрон — тело») так говорит. Но если так думать, то исчезает понимание (появится в том числе и «свобода воли» электрона). Электрон не летит в указанной картине так, как кирпич пролетает через окно. Думать сказанное (мы ведь говорим в языке и не можем избрести ненаглядный язык, то есть не имеющий предметных референтов: можно говорить о чем-то ненаглядном, но само говоримое не может быть ненаглядным) предполагает в акте одновременно удерживать всю координацию различных слоев и уровней физической теории (в семантике, синтаксисе и так далее), все посылки и допущения дистинктно применяемого в данный момент термина физической теории.

В другом примере и Эйнштейн, и Нильс Бор обращали внимание на то, что в формулах и построениях физики — и в теории относительности, и в квантовой механике — фигурирует одна немаловажная деталь: значение «корень из минус единицы»; например, в квантовой механике ячейки фазового пространства заполняются из

области комплексных значений, из комплексной поверхности. А комплексные значения, как известно, — это значения, содержащие в себе мнимые числа. И ясно, что в суждениях с такими мнимостями для обозначаемых ими определенных явлений и процессов в мире необходима способность к ненаглядному постижению — так же как и для действий систем, или эффектов целостности, о которых говорилось выше.

И здесь я сделаю один неортодоксальный шаг, бросающий свет с этой новой стороны на упоминавшуюся превращенность действия в системе. Ненаглядное или символическое постижение, как я сказал, выполняется, если совершается полное мысленное действие, то есть на каком-то усилии (предполагающем эффект бесконечности) в одном акте мысленного действия «держатся» вместе вся координация уровней, все посылки и допущения этого акта. А если не держатся (а вся ситуация продолжает действовать)? Тогда мы имеем наглядность ненаглядного — превращенное действие системы, или превращенную форму, превращенную феноменальность. Акты мышления, как и реальные акты в социальных системах, вовсе не всегда в полном виде выполняются на уровне их агента, хотя тем не менее выполняются в целом, то есть выполнение их возможно не в полностью развернутом виде, а при условии, что имеются наглядности, замещающие неразвернутые и пропущенные звенья и делегировано их представляющие. Фактически такого рода феномены в нашем сознании, как кристаллизирующие ориентиры нашей деятельности, нашей мотивации и средств ее реализации, как ядра, мобилизующие вокруг себя мир, появляются в качестве замещающих представителей опущенного и неохваченного (или вообще ушедшего). И этому служит именно их наглядность, хотя она есть мнимость, то есть ее референтному предмету не может быть определено место в действительном существовании в реальных его терминах. Короче говоря, то, чего я не знаю, сказывается через наглядную мнимость, мне представляющуюся, и через нее, через ее оперативность, реализуется, слагается с другими элементами действия.

Это имеет простой оттенок в области суждений о социальных системах. Каким образом вообще термин «закон» может применяться к действиям свободных и сознательных существ? Не случайно Лейбницу постулатом предустановленной гармонии приходилось отвечать на заголовку, что и законы есть, и действует все-таки свободный индивид, каким-то чудом своим свободным действием (и не зная всего) реализующий именно то, что предписано в законе. Конечно, если предположить, что есть некий демон или бог, наблюдающий все ответвления и обратные эффекты в системе, и ничто из этого не ускользает от его внимания и возможности вмешательства, то тогда, естественно, законы выполняются и при таких действиях и осмысленно применение самого термина «закон». Но мы не можем предположить, что каждый отдельный агент системы является таким демоном, пробегающим и держащим в своей голове все ответвления социальной системы и свои возможности вмешательства в нее, чтобы совершить малейший акт, соответствующий законам этой системы. Маркс в этой ситуации как-то сказал странную фразу, а именно что агенту капиталистической экономической системы нет никакой необходимости знать ее законы, чтобы поступать сообразно им и эффективно (с точки зрения системы) действовать. Ему достаточно видимости (феноменально превращенной), которая порождена системой и является представителем этих неизвестных законов, наглядно встроенным в зрение индивида. Например, действие, ориентирующееся по такому «желтому логарифму», каким является цена труда, более адекватно, точно и эффективно, чем действие, которое желало бы себя построить на основе законов трудовой теории стоимости. Человек разорился бы или вообще не мог бы со смыслом действовать в данной экономике — именно потому, что разрушил бы в себе знание особые целостности, особые наглядности, которые представляют и замещают в себе, в своей неразложимости, тысячи и тысячи не прослеживаемых мышлением связей.

Это расширение значений (логических) определений истинности (кроме значений «истинно» или «ложно», по-

является еще и значение «превращенность») связано с онтологией — как связано с ней и то, что здесь мы вообще можем не иметь ситуации «истинно — ложно» (имея дело с неполным действием) или иметь избыточное (с его неизобразительным, невидимым элементом), что тоже не позволяет отбросить какую-либо одну из взаимоисключающих сторон противоречия. Да и вообще нельзя исключить точку зрения субъекта как ложную (что снова возвращает нас к проблемам существования). Дело в том, что во всякой живой форме «начало», «источник», порождающие ее, обладают свойством воспроизводиться в качестве продукта и результата ее же действия, и нам приходится к ним еще как-то в свою очередь относиться, удваивать (не имея при этом возможности придать реальность нашему непредметному, «чистому» сращению с источником, ибо оно само содержится в условии того, что элементы нашего отношения могут быть предметными и реальными), — и начинается переворачивание и переодевание смысла иррациональными и иллюзорными мнимостями в поле, индуцированном источником, что и есть превращенная форма, онаглядившая наглядно не представимое. Рационально же развернуть «начала» и «источник», в котором мы сращены с невидимым и наглядно не представимым и с феноменально телесными артефактами, можно лишь в континууме «бытие—сознание», континууме живых форм, возникающих, развивающихся и умирающих, иными словами, развернуть, не рассудочно в рамках понимающей связи задав рациональность, а растянув и расположив ее по независимой конечной области участия в «форме жизни» как ее элемент. Превращенные объекты тогда — з н а к и сохранения неустранимого различия бытия и сознания, несводимости бытия.

Это, следовательно, один из элементов развития современной логики и методологии науки, который радикально ставит задачу пересмотра и ограничения всего классического континуума мысленных операций и идентификаций объектов, которые обычно практикуются простым переносом на человеческую реальность, но без учета, что сознание

здесь — одно из неустранимых измерений самого объекта исследования. Речь идет о разработке такого способа обращения с фактами этой реальности, который предполагает иные метафизические постулаты и допущения, чем те, которые допускались классикой и полагались ею в качестве всеобщих и универсальных, совпадающих с абсолютными чертами самой действительности. Это пересмотр абстракций упорядоченности бытия или хаоса, понятий истины или заблуждения, непрерывности или прерывности, отношения «описания извне» и «описания изнутри» и так далее. Проблема, короче, состоит в построении онтологического пространства мысли, отличного от так называемого Декартова пространства и могущего послужить лоном отработки или, если угодно, изобретения расширенных рациональных форм мысли и объективного описания.

Первое, что приводит в движение все эти вопросы, это, конечно, введение онтологического принципа неполноты бытия (или снятие классической посылки полного бытия-знания, то есть предположения такого мира, где все «в себе» уже есть, дано, а истина есть реализовавшееся и актуализированное соответствие мысли пред-данному обстоянию дела). Неопределенное, как мы убедились, предполагает о б л а с т ь, а не безразмерную точку, то есть нечто, что и не определено до движения (ничего еще нет!), и растянуто (факт извлечения опыта, в отличие от его содержания, имеет место в пространстве и времени, а не в идеальной точке). А если неопределенное — именно область (до движения), то не имеет смысла гипотетически обращаться к разуму более могущественному, чем наш, способному к охвату достаточно большого числа точек наблюдения и преобразований одной в другую (ведь ничего еще и нет!), — в этом измерении мы не получим непрерывности. На предыдущих же страницах мы видели абсолютное пространство и время, в поле которого двигались физические объекты, лишённые информационной емкости и определяемые прилеганием к ним континуума понимания, видели действие абстракции логической бесконечности, где преобразования и приведение субъектом своего состояния

ума, предполагаемые моментом реализации соответствия в точке пересечения события и его отражения, полагаются идеально и без времени совершившимися, видели и сложности идентификаций в этой точке (невозможных без бесконечного эффекта определенной целостности), и необходимость поэтому дополнительной, независимой посылки предустановленной гармонии. Но главное — видели также, что пустоты и зазоры, оставляемые необратимостью в совместных определенностях бытия и понимания, ломают эту картину: в зазоре неопределенности мира, исчезающей лишь с включением в него предметно-чувственного, телесного участия и развития жизненных форм, так называемой «естественной базы», мы не можем полагать ничего самого по себе данного п е р е д с л у ч и в ш и м с я и, наоборот, должны иметь в виду как раз неслучившееся, еще не сцепившееся в абстрактном предметном наложении и никак однозначно и обратимо не определенное в знаково-логической структуре закона (отношение ее к дуальной, субъект-объектной структуре сознания мы уже знаем). Нас должны интересовать лишь действительно живые явления, живые очаги неразложимых взаимодействий, которые лишь актуально, «по живому» должны иметь место, чтобы п о т о м, в слое соответствий, можно было говорить в терминах законов и каузальных связей.

Очевидно, что такой срез анализа и есть срез, в котором «прописана», если можно так сказать, проблема нового, или новообразований, решающая в области анализов жизни и сознания (без нее и термин «сознание» не мог бы иметь место в физической картине мира). И надо сказать, что обычно строят прежде всего такого типа теории, которые относятся к устойчивым, повторяющимся и обратимым явлениям, и затем на фоне этого начинают в качестве добавки, уточнения и так далее говорить о тех условиях и особенностях, которые связаны с появлением в мире инноваций, нового. Но очевидно, имело бы смысл поступать наоборот — начинать с введения каких-то понятий для строения мира и законов именно с учетом и в разрезе инноваций, а остальное, то

есть обратимые, устойчивые и повторяющиеся в полноте бытия процессы, рассматривать уже как частный случай на фоне концептуально продуманной проблемы рождения, развития и исчезновения новых форм, регулируя утверждения о последних принципом соответствия. Важно иметь концептуальные средства для фиксации независимых и динамических изменений в строении и топологии объектов, способных завязаться в новых возможных законах. Исторические формы («исторические организмы») подчиняются другим законам, чем формы приведения.

Пока можно сказать, что их можно выявить и развернуть, взяв проблему новообразований соотносительно с уже введенной проблемой детерминаций сознательных форм, с проблемой тех механизмов в естественной базе их развития, которые я называл «вещественно-деятельными», или «жизненно-технологическими», «органами» и так далее. Они работают на разных уровнях и слоях сознательной жизни, на разных узлах сплетений ее формаций, которые между собой сочленяются и производят определенные системные эффекты, действие которых в наших головах предстает нам как нечто изобретенное или связано подуманное нами в подчерепном пространстве головы и осознаваемых ею ощущений органов чувств и их соотношений с объектами в действительности. Но скорее всего, это как раз та наглядная иллюзия, неизбежная для нас, человеческих существ, от которой мы должны избавиться или которую мы должны как-то заблокировать и нейтрализовать в наших рассуждениях о сознательной жизни, чтобы увидеть те зависимости или гармонии, которые не поддаются наглядному постижению и которые, наоборот, закрыты неминуемой наглядностью нашего предметного (макроскопического) языка. Главная иллюзия, конечно, — это пустое пространство между нашим якобы бесплотным взглядом и его видимым объектом. Необходимо разрушить подобное интуитивное мышление в этой области, высвобождая поле для анализа того, что на самом деле происходит в мире и его отражении.